

М. Я. ЧОРЕФ, П. Н. ШУЛЬЦ

НОВЫЙ РЕЛЬЕФ САРМАТСКОГО КРУГА

Рельефы сарматского круга, вопрос о которых был поставлен в печати в 1966 г.¹, пополнились за последние годы новыми памятниками². Возросла и литература, посвященная савроматскому и сарматскому искусству³. Однако художественной культуре сарматов Северного Причерноморья, времени их продвижения и укрепления на территории юга Восточной Европы должного внимания по-прежнему еще не уделено. Вместе с тем для того чтобы понять и осветить сложные процессы сарматизации культуры в Северном Причерноморье в первые века нашей эры, надо знать те изменения, которые испытывали сарматы и сарматское искусство в новой среде и в новых исторических условиях тесного соприкосновения с Боспорским царством, греческими городами, поздними скифами и фракийским миром.

В этой связи небезынтересны процессы антропоморфизации религии и искусства поздних сарматов и появление в их художественной

культуре под влиянием греков, фракийцев и поздних скифов монументальных форм, в том числе антропоморфных стел⁴ и рельефов⁵. Эти два вида монументов развивались у сарматов Северного Причерноморья параллельно, но наряду с ними мы знаем сарматскую монументальную графику — рисунки и знаки на скалах⁶, стелах и штукатурке⁷ и росписи сарматского стиля⁸.

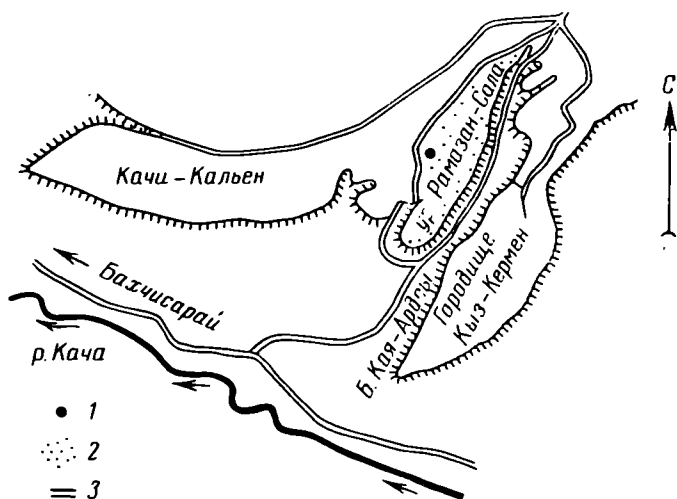

Рис. 1. Схематический план местности, где был найден рельеф

¹ П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга. КАМ, М., 1966, стр. 278—286.

² О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав. АО — 1966, М., 1967, стр. 212—215, рис. на стр. 213.

³ Основа исследования савроматского искусства заложена К. Ф. Смирновым еще в 1964 г. в его монографии: К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, гл. 7, стр. 216—246; Л. Я. Маловицкая. Сарматский звериный стиль. Автореф. канд. дис., Л., 1968, стр. 3—19.

⁴ П. Н. Шульц. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке. ЗОАО, II, Одесса, 1967, стр. 196—201, рис. 4.

⁵ П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга, стр. 278—286.

⁶ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, № 57—58, стр. 113—120.

⁷ Там же, № 43, стр. 97—99, рис. 43; О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском. СА, 1962, 1, стр. 178—194, рис. 1—18.

⁸ К числу последних можно отнести роспись склепа № 8 в Неаполе скифском

В 1969 г. рельефы сарматского круга пополнились новым чрезвычайно интересным памятником. Во время плантажной вспашки в Юго-Западном Крыму, на границе гор и предгорий, в урочище Рамазан-Сала, в 5,5 км на юго-восток от г. Бахчисарая и на северо-запад от городища Кыз-Кермен, пенсионер В. А. Берегулев обнаружил стелу с рельефным изображением двух всадников (рис. 1—3). Здесь, как показал осмотр урочища,

Рис. 2. Рельеф с изображением двух всадников, найденный в урочище Рамазан-Сала близ Бахчисарая. Мшанковый известняк

весь лицевой поверхности в верхней части памятника равномерно заглублено. В середине оставлен плоский рельеф с примитивным изображением двух всадников. Край плиты сверху и по сторонам оставлен и образует бортик, обрамляющий рельеф. Общая высота, ширина и толщина стелы $1,54 \times 0,87 \times 0,25$ м. Высота и ширина заглубления $0,88 \times 0,66$ м. Ширина рамки от 4 до 7 см. Высота рельефа от поверхности заглубления от 2 до 4 см.

Стела была расколота на три неравные части: две больших (верхнюю и нижнюю) и третью малую. Поверхность сильно выветрена, с выщерблинами, камень покрылся серо-желтой, местами коричневатой, патиной.

(П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. ИАН, IV, 3, М., 1947, стр. 289; В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя скифского. ИАДК, Киев, 1957, стр. 106—109, рис. 9—11) и некоторые из росписей геометрического стиля Пантыкаея (М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, I, стр. 401—434, Атлас, табл. ХСІХ, 1; табл. С1, 2).

имеются естественные выходы мшанкового известняка, легко раскалывающегося на плиты. Стела была замечена при вспашке на территории древнего селища и могильника с признаками каменных кладок, небольших валов, заброшенного колодца. Под обрывом, у подножия мыса, в естественных пещерах следы подрубок, признаки водоотливного желоба. Поблизости на плато мыса имеются остатки курганообразной насыпи высотой около 2,5 м. От кургана на северо-запад тянется небольшой вал.

Рельеф был доставлен в Бахчисарайский музей (инвентарный № 5845).

Стела (будем ее называть бахчисарайской) вырезана из плиты местного мягкого белого мшанского известняка. Форма плиты неправильная, продолговатая, с закругленными верхними углами. Нижняя ее часть вводилась в землю или же в «гнездо» каменной базы. Тыльная часть плиты не обработана, боковые стороны грубо подтесаны, наиболее тщательной отделке подверглась лицевая сторона. Более двух третей

Но в общем сохранность памятника неплохая. В настоящее время стела восстановлена, части склеены. Композиция рельефа видна четко, хотя отдельные детали, в особенности прическа, черты лица и знаки, пострадали.

На стеле в формах плоского рельефа вырезаны два всадника, едущие вправо один за другим. Первый в композиции занимает главное место, он на первом плане — и по пространственному своему положению и по размерам. Ноги коня первого всадника упираются в землю ниже ног коня второго всадника, который едет как бы в небольшом отдалении. Налицо элементы двухпланового построения, что обычно для парных героизированных изображений всадников Боспора⁹, поздней Скифии¹⁰ и Фракии¹¹. Характерно, что высота рельефа первого всадника (4 см) превышает высоту рельефа второго (2 см).

Движение всадников вперед передано хотя и в двух планах, но без ракурса, условно: корпусу коней придано едва заметное наклонное положение, ось фигуры первого седока слегка отклонена влево. Ноги коней прямолинейны, параллельны и чуть наклонны, передние упираются в землю выше задних, что часто встречается в конных рельефах сарматского круга¹². Движение первого всадника, положение ног, рук и головы седока, равно как и движение коней, ритмически, с легким нарушением, повторено у второго всадника, при отмеченных различиях в размерах и в построении фигур (второй всадник меньше первого и следует за первым как бы на втором плане).

В композиции применен принцип остановившегося движения: фигуры коней и седоков как бы застыли, кони осажены и неподвижны, оба всадника почти полностью повторяют друг друга, и вместе с тем наклонное положение коней и седоков призвано передать процесс медленного, торжественного движения. Поэтому современному зрителю очень трудно решить, движутся ли всадники или они застыли.

Противоречивая передача остановившегося движения выражена в посадке седоков. Кони изображены в профиль, седоки — в фас, фронтально. Посадка их необычная: ноги перекинуты по одну сторону корпуса коня. Так сидели, если верить рисунку Стефанского, тяжеловооруженные бос-

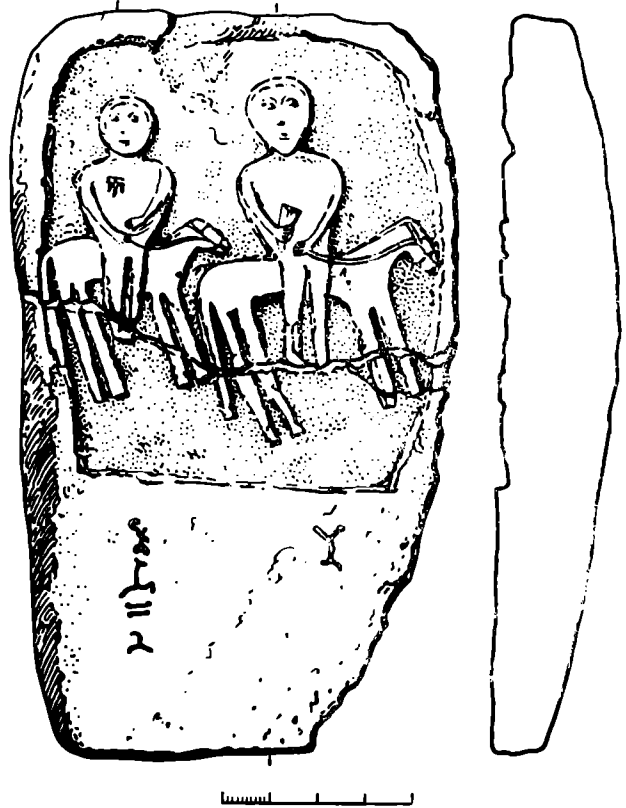

Рис. 3. Рельеф с изображением двух всадников. Бахчисарайский музей

⁹ А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, стр. 129, табл. 72; К.—W. Berlin, 1909, стр. 111, табл. XLII, 627; АДЖ, I, стр. 330, Атлас, табл. LXXXIV, 1—2.

¹⁰ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, XII, 1946, стр. 44—57, рис. 21, 22.

¹¹ G. I. Kazanow. Die denkmäler des thrakischen Reitergvyttes. Budapest, 1938, стр. 114, 115, № 611, табл. LII, 307.

¹² П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга, стр. 283, рис. 2; Э. И. Соломопик. Ук. соч., № 36, стр. 81.

порские или сарматские всадники с пиками на одной из фресок Боспора¹³. Но посадка сарматских катафрактариев¹⁴, если только она изображена верно, могла быть вызвана на фреске ритуальным характером конного боя, связанного с погребальным культом. На нашем рельефе сидят по-женски без мечей и копий невооруженные всадники. Поэтому их манера сидеть лицом к зрителю приобретает подчеркнутый ритуальный смысл. Вряд ли это результат неумения мастера посадить седоков правильно верхом, ногами по обе стороны туловища коня. Скорее это традиция, идущая от особой посадки конников, связанной с какими-то культовыми представлениями¹⁵. Насколько нам известно, это пока единственный рельеф, изображающий всадников столь оригинальным способом, в сарматской графике этот мотив встречался¹⁶. Лишь одна деталь нарушает фронтальность посадки. У обоих всадников носок правой ноги повернут вправо, тогда как на левой ноге он изображен в фас.

В правой руке первого главного всадника укороченный ритон. Культурное значение ритонов у скифов, в частности на изваяниях и в поздних стелах сарматского круга¹⁷, уже не раз привлекало внимание исследователей. «Богоданный» ритон в руках наездника помимо культурного значения мог иметь и дополнительный смысл — символа власти¹⁸. Ритон мог подчеркивать привилегированное положение всадника, выдвинутого на первый план не только композиционно и по размерам, но и своим атрибутом. На груди второго наездника выгравирован сарматский знак, как бы подчеркивающий родовитость всадника.

Перейдем к деталям. На головах всадников, обращенных в фас, или мягкие круглые сарматские шапки с опушкой (мы видим их на рельефах и антропоморфных стелах сарматского круга)¹⁹, или же, что вероятнее, обычная для сарматов прическа. Волосы обрамляют голову и прикрывают уши²⁰. Второй всадник круглолицый и безбородый, очевидно, более молодой (рис. 4); у первого признаки бороды, голова крупнее, лицо сужено к подбородку. Он явно старше второго не только по положению (ритон), но и по возрасту. Плечи у него чуть более покаты. Наклон головы к правому плечу и наклон туловища выражен энергичнее. Границы одежд у обоих всадников (ворот, края рукавов и т. д.) не показаны или

¹³ АДЖ, I, стр. 352, 353, Атлас, табл. XXXVIII, 2. М. И. Ростовцев полагает, что Стефанский неправильно изобразил посадку сражающейся конницы в силу плохой сохранности фрески (АДЖ, I, стр. 253). Следует отметить, что на рисунке Стефанского сидят «по-женски» лишь два всадника в длинных панцирных одеяниях, ниспадающих до пят.

¹⁴ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 114, 115; его же. О посадке боспорской конницы. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 96—99.

¹⁵ В. Д. Блаватский в статье (В. Д. Блаватский. О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа. АИК, Л., 1968, стр. 44, 45) полагает, что боспорские живописцы придавали знатым конным воинам фронтальное положение для того, чтобы создать им «торжественный импозантный облик; это подчеркивало особую значимость победоносного военачальника и героизированного покойника. Возможно, что фасовому изображению лица придавалось какое-то сакральное значение...». Нечто похожее могло иметь место и в Бахчисарайском рельефе.

¹⁶ Сидящим «по-женски» изображен фантастический всадник на граффити здания с фресками Неаполя скифского (О. Д. Дашевская. Граффити...). Но здесь это может объясняться примитивностью изображения.

¹⁷ П. Н. Шульц. Скифские изваяния Северного Причерноморья. АО — 1966, М., 1967, стр. 225—237; его же. Скифское изваяние, найденное у городища Чайка. АИК, стр. 324—334; Н. А. Богданова. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, 1961, 2, стр. 249—252, рис. 1—2; ее же. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. СА, 1965, 3, стр. 233 сл., рис. 3.

¹⁸ М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, СПб., 1913, стр. 2—10, 25, 26.

¹⁹ О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав, стр. 212 сл., рис. на стр. 213; Н. А. Богданова. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, 1961, № 2, стр. 249—252, рис. 1, I; 2, I.

²⁰ АДЖ, I, стр. 340—342, Атлас, табл. XXXV. 4.

же не сохранились. Детали лиц: глаза, надбровные дуги, рот выпуклины носа едва улавливаются. Очень возможно, что все эти детали были обозначены цветом, как это встречается в боспорских надгробиях²¹.

Оба всадника левыми руками придерживают поводья, прочерченные, так же как и уздечки, резными линиями. Задняя граница чепраков процарапана. Лошади с удлинненным корпусом и слегка приподнятым крупом

Рис. 4. Деталь рельефа из урочища Рамазан-Сала

отличаются малюпкими головами. Это характерно для коней, изображенных в рельефах сарматского круга²². Хвосты длинные, они опущены и почти параллельны задним ногам. Хвост и часть крупа коня второго всадника не вместились в поле, выдолбленное для рельефа, и потеснили рамку. Трактовка силуэтов седоков и коней упрощенная, «деревянная», с жесткими контурами. Эта стилевая черта, наряду с пропорциями коней и сочетанием плоского рельефа с резными линиями, образует одну из особенностей сарматских памятников этого рода.

Фигуры седоков, нарочито преувеличенные по размерам, округлы и мешковаты. Кони, переданные резко и прямолинейно, контрастируют с всадниками. Силуэты коней вызывают в памяти резные фигуры жи-

²¹ А. А. Иванова. Ук. соч., стр. 133—137.

²² П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга. стр. 278 сл., рис. 1—2; Э. И. Соломник. Ук. соч., № 36, рис. на стр. 81.

вотных и первобытных рельефах²³ и антропоморфных стелах²⁴. Навыки, может быть сложившиеся у мастера Бахчисарайского рельефа в процессе резьбы по дереву и кости, несколько огрубленно перенесены на камень. Но резчик был, очевидно, знаком с образцами боспорских²⁵ и позднескифских²⁶ парных конных рельефов. Распространенную в сарматских стелах трактовку уплощенных форм, вырезанных на камне под прямым углом к плоскости плиты, мастер наиболее резко применил к силуэтам коней и несколько смягчил в головах и округлых фигурах всадников.

Одна из примечательных черт памятника — нанесение знаков, следы которых на стеле заметны несмотря на выветренность и местами даже стертость поверхности.

Один знак на груди второго юного всадника сохранился лучше других (рис. 4). Он явно принадлежит знакам сарматским и имеет немало аналогий²⁷. Труднее различимы знаки в нижней части стелы под всадниками, за пределами углубления, окружающего рельеф (рис. 5, 2—6), но выше той части основания, которая вставлялась в землю или в базу. Четыре знака вырезаны по вертикальной линии ниже второго всадника; один — под первым (с ритонем). Знаки резные, линейные, за исключением первого, сохранились крайне плохо. Они отличаются от обычно четких сарматских знаков аморфностью и могут быть воспроизведены лишь приблизительно. Аналогии подобрать им, за исключением первого, трудно²⁸.

Обычай наносить знаки как на фигуры людей²⁹, так в особенности и на коней³⁰, а также за пределами рельефа, на нижней части стелы, можно проследить на ряде примеров³¹. На Анапском рельефе Одесского музея под каждой из фигур побратимов с укороченными ритонами в руках изоб-

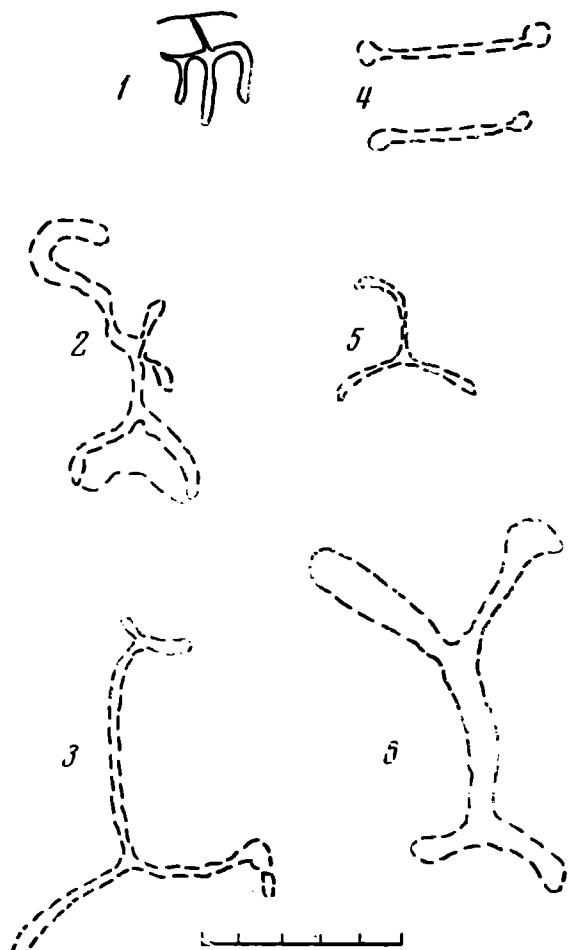

Рис. 5. Знаки на рельефе с изображением двух всадников

²³ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 151 сл., рис. 53.

²⁴ Тожественные изображения коней имеются на неопубликованной еще стеле эпохи ранней бронзы, найденной в Крыму в 1968 г. (хранится в Бахчисарайском музее).

²⁵ А. А. Иванова. Ук. соч., стр. 129, табл. 72; стр. 142; табл. 92; К W, стр. 109. № 619, табл. XLIII; стр. 113, № 634, табл. XLIV.

²⁶ П. Н. Шульд. Скульптурные портреты скифских царей..., стр. 44—57, рис. 21—22.

²⁷ Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 31, 157. На таблице знаков (стр. 169) обозначен под № 122.

²⁸ Весьма приближенная аналогия к знаку № 5 в работе Э. И. Соломоник. Сарматские знаки... табл. знаков, стр. 169, № 218; ср. знак № 149, стр. 162.

²⁹ Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 20, рис. на стр. 67; П. Н. Шульд. Антропоморфная стела сарматского круга..., стр. 196 сл., рис. 1, рис 4, 5—7, 8—10.

³⁰ Э. И. Соломоник. О таврении скота в Северном Причерноморье. ИАДК, Киев, 1957, стр. 210—218, рис. 1, 3.

³¹ Там же, стр. 213 сл., рис. 3; е е же. Сарматские знаки Северного Причерноморья, № 9, рис. на стр. 56.

ражено по различному сарматскому знаку. Быть может, это указывало на родовую принадлежность братающихся. Рядом с побратимами на Анапской стеле изображены отрубленные кисти рук и ног. Все это отвечает рассказу Геродота о клятвенных договорах у скифов (IV, 70). Плоскостный, грубоватый, жесткий стиль Анапского рельефа³² и характерные укороченные ритоны допускают отнесение памятника к позднесарматскому времени, на что указывают и знаки, которые, судя по характеру резьбы и расположению, со стелой связаны.

Истолковать содержание Бахчисарайского рельефа и датировать его не так легко. По композиции, как уже отмечалось, он близок парным героизированным конным надгробиям Боспора, изображающим воинов-всадников и следующих за ними оруженосцев или родственников. Такого рода стелы на Боспоре иногда дополнялись сарматскими знаками³³. По костюму, вооружению, стилю, обычаю клеймить коня тамгами эти стелы несомненно находятся в сфере сарматских воздействий и могут рассматриваться как одно из проявлений процессов сарматизации культуры Боспора. Но традиции античной культуры в боспорских стелах выражены, как правило, сильнее, чем в бахчисарайской, более самобытной и примитивной. Лишь один фрагментированный боспорский рельеф по стилю (деревянная трактовка коня, как бы поднимающегося в гору, изображение фигуры седока в фас, предельная плоскостность, жесткость контуров, изображение деталей резной линией, примитивность) вплотную примыкает к нашему³⁴. Этот рельеф, хотя он и найден на Боспоре, смело может быть отнесен к сарматскому кругу. Вторую аналогию в трактовке коня с застывшими формами дает рельеф, может быть вотивный, из Малой Козырки³⁵. Он дополнен сарматскими знаками и относится к позднейшей группе рельефов сарматского круга³⁶. Мы видим здесь вполне сходный вытянутый корпус коня, сходную трактовку параллельных «деревянных» ног, тот же прием постановки передних ног выше, чем задних. Рельеф из Малой Козырки относится скорее всего к первой половине III в., он явно предшествует надгробию Хедосбия из Пантикапея, относимому по палеографическим данным ко второй половине III в.³⁷ Бахчисарайский рельеф близок рельефу из Малой Козырки не только по стилю, но скорее всего и по времени. Он несколько мягче и легче по формам, чем последний, и вряд ли ему намного предшествует. Но он явно позже двух рельефов из Южно-Донузлавского могильника, которые мы уже привлекали ранее. В рельефе из Малой Козырки ярче, чем в нашем, выражены не только сарматские черты, но и фракийские влияния. Сочетание всадника, предстоящей пешей женской фигуры в длинном одеянии и сцены травли кабана двумя собаками — мотив, обычный для вотивных стел Фракии³⁸.

³² Там же, № 31, рис. на стр. 76. Подробное истолкование стелы дано в моей рукописной работе о памятниках скульптуры скифов и сарматов. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, 1933, д. № 1446, стр. 280 сл.; И. И. Козыренко. Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея. Сб. «Материалы по археологии Северного Причерноморья», I, Одесса, 1957, стр. 93, табл. 1, 4.

³³ Э. И. Соломоник. О таврении скота в Северном Причерноморье, стр. 210 сл., рис. 1; е е же. Сарматские знаки Северного Причерноморья, № 35, рис. на стр. 80. Главное композиционное отличие Бахчисарайского рельефа от боспорских заключается в том, что на боспорских надгробиях обычно изображается лишь первая половина второго всадника (без крупа и задних ног коня). В нашем рельефе оба всадника полностью вмещены в композицию.

³⁴ П. Н. Шульц. Надгробный рельеф сарматского круга, стр. 283, рис. 2.

³⁵ Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии. ОАК за 1909, 1910 г., СПб., 1913, отд. 1, стр. 100 сл., рис. 146; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1954, стр. 72, рис. 24; Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 36, рис. на стр. 81.

³⁶ П. Н. Шульц. Ук. соч., стр. 282.

³⁷ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. ИАК, Пг., 1914, 54, стр. 65 сл., рис. 1, а, б; А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 143, табл. 91; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 452, 606; КБН, № 846.

³⁸ G. I. Kazanow. Ук. соч., стр. 159, № 926, табл. LXXVI, 450.

На основании стилистических особенностей и аналогий мы склонны датировать бахчисарайский рельеф рубежом II—III вв. и отнести его к рельефам сарматского круга. Еще сложнее решить вопрос о назначении бахчисарайской стелы. Является ли она надгробием или вотивом? По формам, композиции и стилю этот вопрос решить нельзя. Стела может оказаться и надгробной и вотивной. Может быть, необходимые разведочные раскопки решат этот вопрос. Если на месте находки стелы окажется одновременный ей могильник, то вопрос решится, очевидно, в пользу надгробия. Пока этого сказать еще нельзя. Можно лишь отметить, что у всадника на Бахчисарайском рельефе оружия нет. В руках у первого из них ритон. Это усиливает культовый элемент памятника. Характерно, что и в стеле из Малых Козырок оружия не видно, но это, может быть, вызвано тем, что верхняя часть стелы обломана. И в той и в другой стеле ритуальные черты ярко выражены, что допускает их вотивное назначение. Обе фигуры в бахчисарайском рельефе сидят на конях строго фронтально. Они как бы застыли. Создается впечатление, что они задуманы как предстоящие перед божеством.

Но возможно и другое истолкование рельефа — на основании сопоставления с героизированными изображениями парного, как мы полагаем, конного портрета Скилура и Палака из Неаполя скифского³⁹. Не воспроизведены ли и на бахчисарайском рельефе отец и сын? Возрастные и размерные различия при стилизованном родстве фигур и ритмическое построение композиции по двум планам подчеркивают близкую связь между персонажами при главенстве первой фигуры; это допускает толкование всадников как изображение отца и сына. Не имеем ли мы здесь более позднее, примитивное сарматское повторение того мотива, который был выполнен греческим мастером по заказу скифов во времена расцвета позднескифского государства? Не повторение ли это в скромных масштабах и доморощенных формах старой героической темы. Основное иконографическое отличие здесь в том, что в нашем рельефе, в отличие от неапольского, нет оружия и не подчеркнута в costume этнокультурная принадлежность изображаемых персонажей.

Во всяком случае, бахчисарайский рельеф уникален. Это пока единственная стела из Причерноморья, изображающая всадников с посадкой ногами по одну сторону коня, о которой мы до сих пор знали только по рисунку Стефанского, опубликованному М. И. Ростовцевым⁴⁰. Сочетание на рельефе «сарматской» посадки, специфических пропорций коня, встречающихся на рельефах сарматского круга, сарматских знаков и, наконец, совершенно особый стиль уплощенной, линейной резьбы по камню дают все основания отнести бахчисарайскую стелу с двумя всадниками к произведениям позднесарматской художественной культуры времени ее укрепления и торжества не только в степях Сарматии, но и в предгорьях Юго-Западного Крыма.

Не исключена возможность, что и некоторые иконографические детали, например ритон в руке всадника, восприняты у скифов. Есть черты общего и с некоторыми поздними упрощенными вотивными стелами Фракии, изображающими конного героя-бога⁴¹. Но определяющие особенности стиля — сарматские.

³⁹ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей... стр. 44—57, рис. 21—22 сл. Л. А. Ельницкий (Л. А. Е л ь н и ц к и й. По поводу портретных скульптур скифских царей Скилура и Палака. СА, 1962, 3, стр. 291 сл.) пытался взять под сомнение выдвинутое толкование рельефа. Я уже имел возможность высказаться по поводу «аргументов» автора и не буду повторяться (П. Н. Шульц. Надгробный рельеф... стр. 286, прим. 16).

⁴⁰ АДЖ, Атлас, табл. XXXVIII, 2. М. И. Ростовцев, как мы уже говорили, взял под сомнение изображение Стефанским посадки катафрактариев (АДЖ. I, стр. 352 сл.). Публикуемая стела подтверждает возможность такой посадки.

⁴¹ G. Mihailov. Inscriptions Graecae in Bulgaria repertae. Serdicae, 1961, III, стр. 210, № 1417, табл. 195; G. Kazanov. Ук. соч., стр. 180, № 1077, табл. LIIIVII, 515.

Сарматской принадлежности бахчисарайской стелы не противоречит и археологический материал. С конца II и в особенности в III и IV вв. н. э. в крымских степях и предгорьях, в том числе и в Юго-Западном Крыму, прослеживается третий, поздний этап сарматского проникновения⁴². В позднейшем слое городища Алма-Кермен Бахчисарайского района, относящегося к первой половине III в., появляется лепная керамика сарматского типа⁴³. К этому же времени в могильнике у с. Красногорского (б. Нейзац) на правом берегу р. Зуи относится склеп с сарматскими знаками и погребение с конским набором, на котором также имеется знак⁴⁴. Сарматские граффити и знаки мы видим на штукатурке здания с фресками в Неапольском⁴⁵. На площади, близ главных городских ворот в Неаполе, появляется погребение сарматского или аланского военачальника с богатым конским набором и захоронениями коней⁴⁶. В Бахчисарайском районе близ с. Озерное обнаружен могильник, в котором научный сотрудник Бахчисарайского музея И. И. Лобода исследовал расписной склеп с вырезанными на стенах сарматскими знаками и погребением воина с сарматским вооружением. Склеп хорошо датируется находками, в том числе и монетами, IV в.⁴⁷

Количество примеров можно было бы значительно увеличить. Но и привлеченных достаточно, чтобы убедиться в том, что бахчисарайский рельеф с двумя всадниками, относящийся к II—III вв., включается в цепь фактов, свидетельствующих о новой волне позднего сарматского, а может быть и аланского, проникновения в Крым.

Итак, рельефы сарматского круга за последние годы пополнились двумя памятниками: южно-донузлавским (вторым) и бахчисарайским. Всего мы насчитываем шесть рельефов этого круга, из них четыре найдено в Крыму (два южно-донузлавских, бахчисарайский, керченский — Хедосбия из Пантикапея) и один в Малой Козырке (рис. 6). Концентрация рельефов этого типа в Крыму, очевидно, связана с тем, что толчком к их появлению послужили боспорские надгробия и позднескифские рельефы. Из шести пять рельефов изображают всадников и лишь один — пеших. Два из них имеют сарматские знаки. Остальные определяются по стилю. Хронологически рельефы укладываются не более чем в три столетия: I—III вв. Надо полагать, что при дальнейших розысках в поле и фондах музеев число рельефов интересующего нас круга значительно увеличится⁴⁸.

Следует отметить, что не только в рельефах сарматского круга, но и в позднескифских⁴⁹ безусловно преобладают изображения всадников. Это,

⁴² П. Н. Шульц. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. Сб. «Проблемы скифо-сарматской археологии». М., 1970; Т. Н. Высотская. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Автореф. канд. дис., Киев, 1966, стр. 13 сл.

⁴³ Т. М. Высотская. Липна керамика городища Алма-Кермен. «Археология», XX, Киев, 1966, стр. 188, 194, 195, табл. II.

⁴⁴ Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 34, рис. на стр. 79, № 92, рис. на стр. 140.

⁴⁵ О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском, стр. 173—194, рис. 1—18.

⁴⁶ П. Н. Шульц. Об одной группе сарматских погребений с конским набором на Боспоре и в Неаполе скифском. Сб. «Плепум Института археологии АН СССР. Ранний железный век». М., 1966, стр. 18—20; его же. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, стр. 42, прим. 62, на стр. 65; его же. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.). ИАДК, Киев, 1957, стр. 76, 92; рис. 8—9, 16; А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского. КСИИМК, XXXVII, стр. 170 сл., рис. 55—56.

⁴⁷ Отчет И. И. Лободы о раскопках могильника близ с. Озерное в 1963 г. хранится в архиве ИА АН УССР.

⁴⁸ В 1970 г. на урочище Рамазан-Сала рядом с местом находки публикуемого рельефа найден второй рельеф сарматского круга, близкий по стилю первому.

⁴⁹ П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей, стр. 56, прим. 4; его же. Надгробный рельеф из с. Марьино. Сообщения Херсонесского музея. III. Симферополь, 1963, стр. 3—10, рис. 1—2; О. Д. Дашевская. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, 70, 1957, стр. 116, рис. 46, 2.

вероятно, связано с тем, что конная знать играла немалую роль в правящем слое не только поздних скифов, но и в дружинной позднесарматской среде. Главное отличие позднескифских рельефов от позднесарматских заключается в том, что в скифских безусловно преобладает влияние греческой скульптуры, они более пластичны и менее условны и геометричны, чем сарматские. Рельефы сарматского круга примитивнее. Это согласуется и с различиями культурного уровня позднескифской среды, знавшей

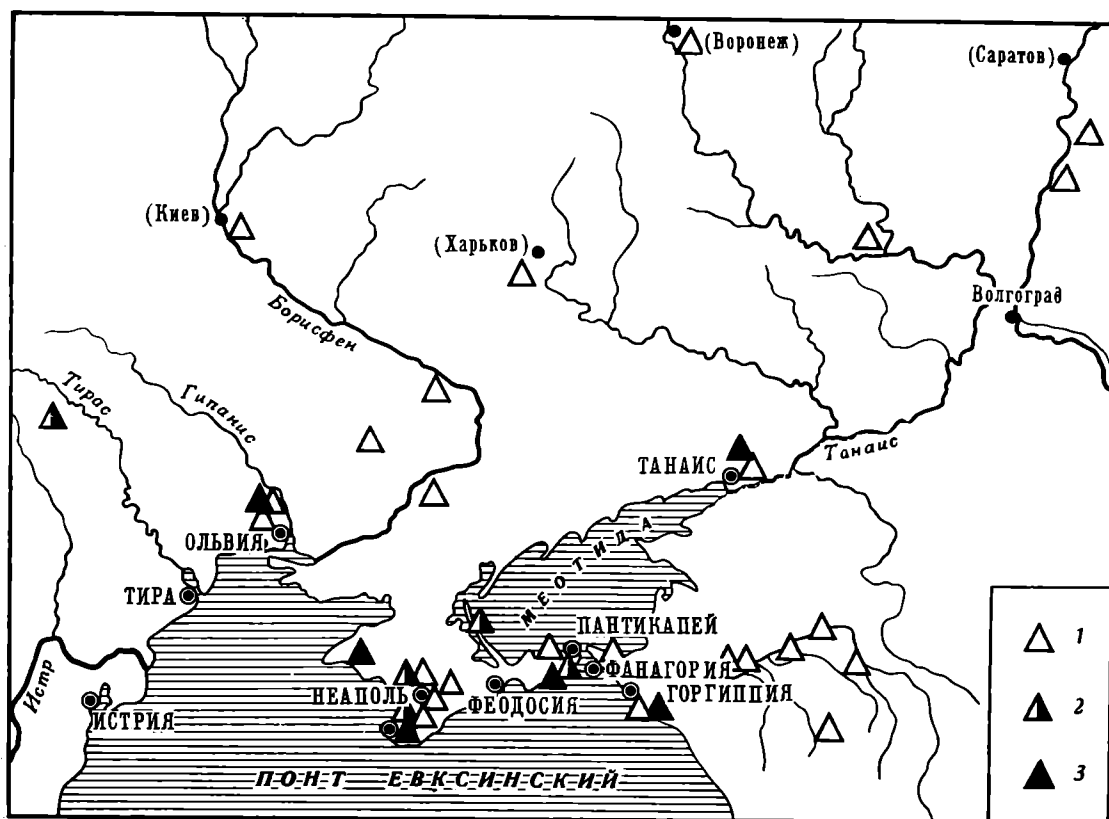

Рис. 6. Схематическая карта с обозначением мест находок рельефов сарматского круга

1 — знаки на камнях, ремесленных изделиях, монетах и т. д.; 2 — антропоморфные стелы с сарматскими знаками; 3 — рельефы сарматского круга (со знаками и без знаков)

уже условия не только кочевой и сельской, но и городской жизни, и сарматской среды, длительное время сохранявшей кочевой быт.

Как уже указывалось, рельефы сарматского круга и сарматские антропоморфные стелы входят в сложный комплекс явлений позднесарматской художественной культуры Северного Причерноморья. Сюда входят и граффити на скалах, стелах и штукатурке; и стенные росписи Неаполя и Пантикапея геометрического стиля, в которых сарматский элемент несомненен; и сарматские зеркала-подвески с солярными геометризованными мотивами и знаками, превращенными в орнаментальный узор; и ажурные пряжки, часто оснащенные знаками; и наконец, изделия полихромного стиля, которые получили распространение в поздней сарматской среде. Элемент графического искусства в сарматских знаках также входит как компонент в геометризованное, линейное искусство поздних сарматов Причерноморья.

В круг позднесарматской художественной культуры включается и бахчисарайский рельеф, несколько наивный и примитивный, но не лишенный местного колорита, с явным желанием мастера доступными ему средствами героизировать всадников. Не даром же в руке одного из них ритон, а на груди второго — знак, подчеркивающий родовитость всадника.

UN RELIEF RECEMMENT DECOUVERT ET SE RAPPORTANT
A LA CULTURE SARMATE DES FORMES

Résumé

En 1969 au lieu-dit de Romasan-Sila au voisinage de la ville de Bakhtchisaraï (en Crimée) on a trouvé un relief fait de calcaire et portant l'effigie de deux chevaliers se dirigeant à droite. Le premier, plus grand, serre à sa poitrine un rhyton des dimensions réduites, sur la poitrine du second est gravé un signe nommé «signe sarmate».

Une particularité iconographique de la représentation réside en ce que les deux chevaliers sont mis à cheval à la manière de femmes c'est-à-dire les deux jambes de chaque homme figurent d'un côté des corps de leurs montures. C'est la façon de se tenir à cheval propre aux guerriers lourdement armés (en cuirasses longues sarmates, et munis de piques qu'on voit, par exemple, sur les fresques découvertes dans le caveau Stassovsky à Panticapée).

Le style du relief se caractérise par ce qu'il est aplati à l'extrême et d'un caractère barbare primitif. Il paraît que le relief en question remonte aux II—IIIes siècles de notre ère et appartient aux reliefs de la culture sarmate. En 1970 on a trouvé un autre relief d'un style semblable dans le même lieu.